

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФОНЕТИКИ И ФONOЛОГИИ В РОССИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Исторический очерк развития лингвистической отрасли фонетики, а позже и фонологии, русского языка разделяем на два важных периода в развитии самостоятельной русской лингвистической мысли. Века до деятельности М. В. Ломоносова не будем учитывать в подразделение, так как грамматисты до его периода смешивали орфоэпию с орфографией и орфографию со звуками речи. Практически одинаковая ситуация существовала и после деятельности Ломоносова.

Итак, первым периодом можно определить этап лингвистической деятельности Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765) и назвать его *ломоносовским* (2-ая пол. XVIII в.). Второй значительный период в самостоятельном подходе к проблематике языка является научным; основывается на научных, позже и экспериментальных достижениях сначала индивидов, а позднее основоположников и наследователей фонологических школ. Хронологически этот второй период протяжен на три века: XIX, XX и XXI вв. Так как второй период научно взаимосвязан, не будем дальше его подразделять.

Приводим к выводу, что первый период является ненаучным; он базируется на достижениях одного человека, который еще находился под большим влиянием традиции грамматик неразговорного русского, чаще всего церковнославянского языка. Традиция славянских грамматик, созданных на основе традиции антич-

DRUGI DIO

IZ POVIJESTI RAZVITKA FONETIKE I FONOLOGIJE U RUSIJI I SOVJETSKOME SAVEZU

Povijesni pregled razvoja lingvističke grane fonetike, a kasnije i fonologije, ruskoga jezika razdijelit ćemo na dva važna razdoblja u razvoju samostalne ruske lingvističke misli.

Stoljeća prije aktivnosti M. V. Lomonosova nećemo uključiti u podjelu, jer su gramatičari do njegova perioda miješali pravogovor s pravopisom i pravopis s glasovima govora. Praktično je identična situacija postojala i poslije Lomonosovljeve aktivnosti.

Dakle, kao prvo ćemo razdoblje odrediti etapu lingvističke djelatnosti Mihaila Vasil'eviča Lomonosova (1711-1765), a nazvat ćemo ga *lomonosovskim* (2. pol 19. st.). Drugo značajno razdoblje u samostalnome pristupu problematici jezika jest znanstveno. Osniva se na znanstvenim, kasnije i eksperimentalnim, postignućima najprije pojedinaca, a potom i utemeljitelja i pripadnika fonoloških škola.

Kronološki se to drugo razdoblje proteže na tri stoljeća: 19., 20. i 21. st. Budući da je drugo razdoblje znanstveno međusobno povezano, nećemo ga dalje dijeliti.

Na kraju ćemo zaključiti da je prvo razdoblje neznanstveno. Osniva se na postignućima jednoga čovjeka koji se još uvijek nalazi pod velikim utjecajem tradicije gramatikā nerazgovornoga ruskog jezika, često crkvenoslavenskoga.

Tradicija slavenskih gramatika, napisanih na osnovi tradicije antike (opisā (staro

ности (описания (древне)греческого и латинского языков), не разграничивала понятия *речь* и *язык*, т.е., *звук* (фонему) и *букву* (графему). В *Российской грамматике* Ломоносова (1757) находим и правильное понимание звука, но и смешивание звука с буквой. Поэтому считаем *Грамматику* Ломоносова переходной стадией между традиционным наследием представления древнегреческого, латинского и церковнославянского языков и самостоятельным представлением именно русского языка, с его подлинными характеристиками и категориями. Россия во время Ломоносова еще не ознакомилась со всеми достижениями западноевропейских языковедов-исследователей, в т.ч. миссионеров, которые в Индии ознакомились с санскритом, и заключили, что существуют доказательства о родстве санскрита с многими европейскими языками (ср. деятельность *Филипа Весдина*, автора первой напечатанной грамматики санскрита, 1790 г.). Такое видение языкового мира еще не существует у Ломоносова, выступающего с европоцентрической точки зрения, в которой практически все африканские и азиатские языки являются *нелепыми* и похожими на *шум животных*.

У Ломоносова смешивается традиционная идея минимальной звуковой единицы – слова, и реальной единицы – гласной. В одной главе своего произведения Ломоносов теоретически выделяет понятие *слово* вообще как физиологический продукт, отличающий людей от животных, а позже как гласные звуки в позиции после непалатализованных согласных (т.н. *тонкия самогласныя*). Основной проблемой фонетической части *Грамматики* Ломоносова, направляющей его

грčkog i latinskog jezika), nije razgraničavala pojmove *govor* i *jezik* te *zvuk* (fonem) i *slovo* (grafem).

U Lomonosovljevoj *Ruskoj gramatici* iz 1757 g., nalazimo i pravilno shvaćanje glasa, ali i miješanje glasa sa slovom.

Zato smatramo Lomonosovljevu *Grammatiku* prijelaznim stadijem između tradicionalnoga nasljeđa predočavanja starogrčkoga, latinskoga i crkvenoslavenskoga jezika te samostalne predodžbe ruskoga jezika s njegovim izvornim karakteristikama i kategorijama.

Rusija se u vrijeme Lomonosova još uvijek nije upoznala sa svim postignućima zapadnoeuropskih lingvista-istraživača – konkretno misionara, koji su se u Indiji upoznali sa sanskrtom te zaključili da postoji srodnost sanskrta s mnogim europskim jezicima (usp. djelatnost *Filipa Veddina*, autora prve tiskane gramatike sanskrta iz 1790 g.).

Takvo viđenje jezičnoga svijeta još ne postoji kod Lomonosova koji govori s eurocentričnoga gledišta, u kojemu su praktično svi afrički i azijski jezici *nelijepi* i slični *buci životinja*.

Kod Lomonosova se miješa tradicionalna ideja minimalne zvukovne jedinice – riječi i stvarne jedinice – samoglasnika.

U jednome poglavlju svojega djela Lomonosov teoretski izdvaja pojam *riječ* općenito kao fiziološki proizvod koji razlikuje ljude od životinja, a kasnije kao samoglasnike u položaju poslije nepalataliziranih suglasnika (tzv. *tanki samoglasnici*).

Osnovni problem fonetskoga dijela Lomonosovljeve *Grammatike*, koji usmjerava njegovu *Grammatiku* prema predznanstve-

Граматику в донаучный период, является смешивание терминов *буква* и *звук*, их неразграничение. В определенных моментах Ломоносов различает графему и фонему, но, кажется, что желание применить фонетический принцип в орфографии, втягивает его в неточность. Фонетическая часть *Граматики* Ломоносова базируется на отдельных новых, точных и научных заключениях об артикуляции следующих органов: губ, зубов, языка, *поднёба* (мягкое нёбо) и гортани. В своей *Грамматике* Ломоносов приводит гласные, согласные и безгласные. Гласные подразделяет на *двоегласные* (насчитывает девять дифтонгов) и даже *троегласные*, что не соответствует системе звуков русского языка, который он намеревался описать. Проблема смешивания фонетики и орфографии видима и в анализе знаков препинания, который следует сразу после перечисления звуков русского языка и их объяснения.

Своеобразным, но не и окончательным отклонением от традиционного взгляда на звуки речи, являются и размышления Ломоносова о надстрочных знаках, обозначающих долготу и краткость гласных / слога, т.е. обозначающих тип ударения, несуществующий больше в русском языке.

Хотя Ломоносов научно не точен в своих описаниях, все-таки он внес систематичность в описание русского языка и оставил за собой лингвистическую терминологию русского языка.

Второй период и его первый этап, XIX век, характеризует деятельность Бодуэна де Куртэнэ (1845-1929). Его рассуждения о единицах языка описывали зву-

ному *razdoblju*, jest miješanje nazivâ *slovo* i *glas*, njihovo nerazgraničavanje.

U određenim trenucima Lomonosov razlikuje grafem i fonem. No čini se da ga želja da se primijeni fonetsko načelo u pravopisu odvlači prema netočnosti.

Fonetski dio Lomonosovljeve *Gramatike* osniva se na zasebnim novim, točnim i znanstvenim zaključcima o artikulaciji ovih organa: usana, zubā, jezika, *podnepca* (mekoga nepca), ždrijela.

U svojoj Gramatici Lomonosov navodi samoglasnike, suglasnike i bezglasnike.

Samoglasnike dijeli na dvoglasnike (nabraja devet diftonga) i čak troglasnike, što ne odgovara sustavu glasova ruskoga jezika koji je namjeravao opisati.

Problem miješanja fonetike i pravopisa vidljiv je u analizi interpunkcijskih znakova, koja slijedi odmah poslije nabiranja glasova ruskoga jezika i njihova objašnjenja.

Svojevrsnim, ali ne i krajnjim otklonom od tradicionalnoga pogleda na glasove riječi jesu Lomonosovljeva razmišljanja o dijakritičkim znakovima koji označavaju duljinu i kratkoću samoglasnikā / sloga, tj. koji označavaju tip naglaska, koji ne postoji više u ruskome jeziku.

Iako Lomonosov znanstveno nije točan u svojim opisima, ipak je unio sustavnost u opis ruskog jezika i ostavio je za sobom lingvističko nazivlje ruskoga jezika.

Drugo razdoblje i njegovu prvu etapu, 19. stoljeće, karakterizira djelatnost Baudouina de Courtenaya (1845-1929). Njegova razmišljanja o jezičnim jedinicama

ки речи как, не только физиологические, а и психические единицы человеческого организма.

Для него фонема являлась психической единицей, обладающей внутренней структурой, состоящей из далее неразлагаемых психических элементов. Фонема являлась частью человеческой психики, и де Куртенэ определял ее как кратчайшую языковую единицу со смыслоразличительной функцией. Звук де Куртенэ определял как продукт органов человеческого речевого аппарата.

Де Куртенэ важное звено в развитии русской фонетики и фонологии, особенно в формировании взглядов двух фонологических школ, тезисы которых базируются на идеях де Куртенэ.

До возникновения двух фонологических русских и позже советских школ активными были и отдельные ученые, разрабатывающие научную мысль де Куртенэ. В первую очередь речь идет о Льве Владимировиче Щербе (1880-1944), научная деятельность которого протягивается от времени, когда он был учеником де Куртенэ, до периода, в котором стал основоположником будущей Петербургской (или *Щербовской*) фонологической школы, и периода большого влияния на развитие советской фонетики и фонологии. Унаследовав идеи своего учителя, Щерба фонологию и фонетику направил к точным наукам: на основе экспериментов решал проблематику физического осуществления представления звука / фонемы. Основным его интересом было изучение членения потока речи на его составные части / звуковые единицы. При этом Щерба испытывал отношение

opisivala su glasove kao, ne samo fiziološke, već i psihičke jedinice ljudskoga organizma.

Za njega je fonem bio psihička jedinica s unutarnjom strukturom koja se sastoji od nerazloživih psihičkih elemenata.

Kao dio ljudske psihe, fonem je de Courtenay definirao kao najkraću jezičnu jedinicu s razlikovnom funkcijom.

Glas je de Courtenay definirao kao rezultat organâ ljudskoga govornog aparata.

De Courtenay je važna karika u razvoju ruske fonetike i fonologije, osobito u razvoju povijesti dviju fonoloških škola, čije se teze osnivaju na idejama de Courtenaya.

Do pojave dviju fonoloških ruskih i kasnije sovjetskih škola aktivni su bili i pojedinci koji su razrađivali znanstvenu misao de Courtenaya. U prvome redu govorimo o Lavu Vladimiroviču Ščerbi (1880-1944), čija se znanstvena djelatnost proteže od vremena kada je bio učenik de Courtenaya do osnivača buduće Peterburške (ili *Ščerbovske*) fonološke škole i razdoblja velikoga utjecaja na razvoj sovjetske fonetike i fonologije.

Nasljedovavši ideje svojega učitelja, Ščerba je fonologiju i fonetiku usmjerio prema egzaktnim znanostima: na osnovi je eksperimenata rješavao problematiku fizičkoga ostvaraja predodžbe glasa / fonema.

Osnovni je njegov interes bio izučavanje raščlambe automatiziranoga govora na njegove sastavne dijelove / glasovne jedinice. Pritom je Ščerba ispitivao odnose između

между звуком / физической реализацией и фонемой, существующей в сознании человека носителя языка. На основе данных экспериментов, Щерба в науку ввел функциональное, т.е. фонологическое изучение строя языка, как противопоставленность фонетическому принципу.

Щерба систематизировал учения Б. де Куртенэ в тезисы, разработанные его учениками.

Основными принципами **Петербургской / Ленинградской / Щербовской школы** стали следующие заключения, связанные с фонемой: фонема для МФШ самостоятельная единица, т.е. она является составной частью морфемы; но может быть выделена как элемент морфемного состава – в том смысле определяется лишь в сопоставлении с подобными ей единицами: фонема по сравнению с другой фонемой.

Московская фонологическая школа, по отношению к МФШ, более точно следила за идеями де Куртенэ. Понятие *дивергентности* в МФШ определило и понимание фонемы как неавтономной единицы, неисчисляемой из состава морфемы, так как фонема изменяется в зависимости от позиции, и все эти изменения являются частями одной морфемы.

Особенным звуком в видении двух фонологических школ является фонема /и/, несомненно существующая в русском языке. Определение фонемы как неавтономной единицы, появляющейся в разных чередованиях, сделало возможным МФШ-е определить звук [ы] лишь как аллофон, но не и фонему. С другой стороны, автономность фонемы, осознанность ее говорящими привело МФШ к определению звука [ы] как фонемы.

glasa / fizičke realizacije i fonema koji postoji u spoznaji čovjeka izvornoga govornika. Na osnovi provođenja eksperimenata, Ščerba je u znanost uveo funkcionalno, tj. fonološko proučavanje jezičnoga ustroja kao opreku fonetskomu načelu.

Ščerba je usustavio učenja B. de Courtenaya u teze koje su razradili njegovi učenici.

Osnovna su načela **Peterburške / Lenjingradske / Ščerbovske škole** postali sljedeći zaključci, povezani s fonemom: fonem je za LFŠ samostalna jedinica, tj. sastavni dio morfema, ali može biti izdvojena kao segment morfemskoga sastava. U tome je smislu autonomna glasovna jedinica čije se karakteristike određuju tek u sučeljavanju sa sličnim joj jedincima: fonem u usporedbi s drugim fonemom.

Moskovska je fonološka škola, u odnosu na LFŠ, vjernije slijedila ideje de Courtenaya.

Pojam *divergentnosti* u MFŠ odredilo je shvaćanje fonema kao neautonomne jedinice, neizdvojive iz sastava morfema, je se fonem mijenja, ovisno o položaju, i sve su te promjene dijelovi jednoga morfema.

Posebним glasom u viđenju dviju fonoloških škola jest fonem /и/, koji nesumnjivo postoji u ruskome jeziku.

Određenje fonema kao neautonomne jedinice koja se javlja u različitim alternacijama omogućilo je da MFŠ definira glas [y] samo kao alofon, ne i fonem.

S druge strane, autonomnost fonema, njegova osviještenost u ljudskoj psihi, omogućila je LFŠ-i definiciju glasa [y] kao fonema.

Поэтому число гласных звуков в русском языке может быть двояким.

В фонологические школы, основанные и развивавшиеся под влиянием идей де Куртене, надо включить и т.н. **Казанскую школу**.

Школа основана в Казани, куда переехал де Куртене и читал лекции по общей лингвистике. Учениками де Куртене в Казани были, между прочими, Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, С.К. Булич. Деятельность КФШ выделяется четким разграничением между буквой и звуком, теорией чередования звука на основе его физиологии, созданием фонетических и фонологических терминов.

Из т.н. фонологических школ, с мировой известностью и с русскими филологами, мы здесь должны привести и знаменитый **Пражский лингвистический кружок**, и деятельность **Николая Сергеевича Трубецкого** (1890-1938). Пражский лингвистический кружок или *Пражские структуралисты* основывали свою деятельность на достижениях и принципах Казанской фонологической школы. Исходя из этого, ПЛК разграничивал звук и букву, и звук и фонему, разграничивая вместе с этим и понятия языка и речи. Самым важным постижением ПЛК является отделение, т.е. автономизация фонетики и фонологии на основе разграничения речи и языка.

Известным является определение фонетики ПЛК как науки о звуках речи, и фонологии как науки о звуках языка. Хотя деятельность ПЛК базируется на учениях Б. де Куртене, Трубецкой, как самый значительный ее деятель, отошел от психологической обоснованности фонемы, ввел ее исключительно в рамки

Zbog toga broj samoglasnika u ruskome jeziku može biti dvojak.

U fonološke škole koje su utemeljene i razvijene pod utjecajem de Courtenaya, moramo uključiti i tzv. **Kazanjsku školu**.

Škola je osnovana u Kazanji, kamo se preselio de Courtenay te držao nastavu iz opće lingvistike. Učenici de Courtenaya u Kazanji bili su, među ostalima, N. V. Kruševskij, V. A. Bogorodickij, S. K. Bulič.

Rad KFŠ izdvaja se jasnim razgraničenjem između slova i glasa, teorijom alterniranja glasa na osnovi njegove fiziologije, oblikovanjem fonetskih i fonoloških termina.

Od tzv. fonoloških škola, ovdje moramo navesti i čuveni, sa svjetski poznatim ruskim filozovima, **Praški lingvistički krug** te rad **Nikolaja Sergejeviča Trubeckoj**a (1890-1938).

Praški lingvistički krug ili *Praški strukturalisti* temeljili su svoj rad na postignućima i načelima Kazanjske fonološke škole.

Polazeći od toga, PLK je odvajala glas i slovo te i glas i fonem, razgraničavajući tako pojmove jezika i govora.

Najvažnije postignuće PLK jest odvajanje, tj. autonomizacija fonetike i fonologije na osnovi razgraničavanja govora i jezika.

Poznata je definicija fonetike, koju je dao PLK, kao znanosti o glasovima govora te fonologije kao znanosti o glasovima jezika. Iako se rad PLK osniva na učenju B. de Courtenaya, Trubeckoj se, kao najizrazitiji predstavnik, odmaknuo od psihološkoga okvira fonema. On je fonem smjestio isključivo u granice jezika, jer izvorni govornik ne

языка, потому что носитель языка не слышит звуки речи отдельно, а поток речи в целости. Только фонетист со своими анализами и данными разлагает комбинации фонологических единиц до крайней, неразложимой фонемы, которая абстрактна и осуществляется лишь в потоке речи. Определив фонему как часть языка, а язык как систему элементов, к этим элементам Трубецкой причисляет и фонемы, которые описывает на основе фонологических оппозиций. Предполагается, что каждая фонема обладает определенными характеристиками, а, с другой стороны, что существует и другая фонема, у которой таких характеристик нет. Говорим о минимальных парах и существовании / отсутствии определенных фонологических характеристик (если у них остальные характеристики тождественны).

Научные достижения Трубецкого записаны в его книге на немецком языке *Grundzüge der Phonologie* (1939), позже переведенной на русский язык (*Основы фонологии*).

Кроме Трубецкого, самым известным именем Пражского лингвистического кружка был Роман Осипович Якобсон (1896-1982), деятельность которого, здесь речь идет исключительно о сфере фонологии, опирается на анализ дифференциальных признаков фонемы. Якобсон, вместе с Г. Фантом и М. Халле, разработал дихотомическую фонологию. С сотрудниками Якобсон материал собрал из разных языков мира, создавая т.н. универсалии – совместные фонологические признаки фонем. Дихотомия фонологических признаков фонем выражается наличием (плюс) или отсутствием (минус) определенного признака. Универсальная

čuje glasove odvojeno, već automatizirani govor u potpunosti.

Samo fonetičar svojim analizama i podacima razlaže kombinacije fonoloških jedinica do krajnjega, nedjeljivoga fonema, koji je apstraktan i ostvaruje se tek u automatiziranome govoru.

Odredivši fonem kao dio jezika, a jezik kao sustav elemenata, tim elementima Trubeckoj pribraja i foneme, koje opisuje na osnovi fonoloških opreka.

Pretpostavlja se da svaki fonem ima određene karakteristike, a s druge strane, da postoji drugi fonem kod kojega takve karakteristike ne postoje.

Govorimo o minimalnim parnjacima i postojanju / nepostojanju određenih fonoloških karakteristika (ako su im ostale karakteristike istovjetne).

Znanstvena su postignuća Trubeckoj zapisana u knjizi na njemačkome jeziku *Grundzüge der Phonologie* (1939), kasnije prevedenoj na ruski jezik (*Osnove fonologije*).

Osim Trubeckoj najpoznatije je ime Praškoga lingvističkog kruga bio Roman Osipovič Jakobson (1896-1982), čije se rad, ovdje isključivo u sferi fonologije, opire na analizu diferencijalnih karakteristika fonema.

Jakobson je, zajedno s G. Fantom i M. Halleom, razradio dihotomijsku fonologiju.

Sa suradnicima je Jakobson materijal skupio iz raznih jezika svijeta, stvarajući tzv. univerzalije – zajedničke fonološke karakteristike fonemā.

Dihotomija se fonoloških karakteristika fonemā izražava postojanjem (plus) ili nepostojanjem (minus) određene karakteristike. Univerzalna dihotomija karakteristikā

дихотомия признаков опирается на двенадцать признаков: /не/вокальность, /не/консонантность, /не/компактность, /не/напряженность, /не/назальность, звонкость-глухость, /не/прерывность, не/глоттализованность, низкие-высокие, бемольные-простые, дизные-простые, яркость-тусклость.

Приведенная схема оппозиций фонологических характеристик служит и для описания фонем хорватского языка в грамматиках современного хорватского стандартного языка.

К Московской фонологической школе принадлежат следующие ученые: Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, М.В. Панов, А.А. Реформатский, а к Ленинградской ФШ – А.Р. Зиндер, М.И. Матусевич и сегодня: Л.В. Бондарко, Л.Л. Буланин, В.Б. Касевич и др.

Рубен Иванович Аванесов (1902-1982) и его труды, являются символом современной фонетики современного стандартного русского языка, в основе которого лежит московский говор (часть восточных среднерусских акающих говоров). Вместе с Реформатским, Кузнецовым и Сидоровым, Аванесов является основоположником МФШ.

Аванесов автор *Фонетики современного русского литературного языка* (1956), написал и *Русское литературное произношение и ударение* (1950).

Фонетика современного русского литературного языка Р.И. Аванесова является исходной точкой для изучения фонетики и фонологии русского стандартного языка.

oslanja se na dvanaest karakteristika: /ne/vokalnost, /ne/konsonantnost, /ne/kompaktnost, /ne/napregnutost, /ne/nazalnost, zvučnost-bezvučnost, /ne/prekinutost, /ne/glotaliziranost, niski-visoki, bemołni-jednostavni, dijezni-jednostavni, obojenost-muklost.

Navedena shema oprekā fonoloških karakteristika služi i za opis fonemā hrvatskoga jezika u gramatikama suvremenog hrvatskog standardnog jezika.

Moskovskoj fonolokoj školi pripadaju ovi učenjaci: R. I. Avanesov, P. S. Kuznecov, M. V. Panov i A. A. Reformatskij; a Lenjingradskoj FŠ – L. R. Zinder, M. I. Matusevič, i danas: L. V. Bondarko, L. L. Bulanin, V. B. Kasevič i dr.

Ruben Ivanovič Avanesov (1902-1982) i njegovi radovi simbol su suvremene fonetike suvremenog standardnog ruskog jezika, koji se temelji na moskovskome govoru (dijelu istočnih srednjoruskih akajućih govora).

Zajedno s Reformatskim, Kuznecovom i Sidorovom Avanesov je osnivač MFŠ.

Autor je *Fonetike suvremenog ruskog književnog jezika* (1956). Napisao je i *Ruski književni izgovor i naglasak* (1950).

Fonetika suvremenog ruskog književnog jezika R. I. Avanesova polazišna je točka za proučavanje fonetike i fonologije ruskoga suvremenog jezika.

ВОПРОСЫ:

1. Укажите на основные различия между преднаучным и научным периодами в развитии фонетики русского языка.
2. Почему Ломоносов является самым важным языковедом первого периода в развитии фонетики русского языка?
3. Назовите фонологические школы в истории русского и советского языкознания и объясните их тезисы.
4. Приведите название учебника, являющегося основой для изучения фонетики современного русского литературного языка, и имя и фамилию его автора.

Очерк развития изучения фонетики русского языка мы начали и закончили самыми выдающимися личностями – Ломоносовым и Авансовым.

PITANJA:

1. Navedite osnovne razlike između predznanstvenoga i znanstvenoga razdoblja u razvoju fonetike ruskoga jezika.
2. Zašto je Lomonosov najvažniji jezikoslovac prvoga razdoblja u razvoju fonetike ruskoga jezika?
3. Navedite fonološke škole u povijesti ruske i sovjetske lingvistike i objasnite njihove teze.
4. Navedite naziv udžbenika koji je temelj izučavanju suvremenoga ruskog jezika te ime i prezime njegovog autora.

Pregled razvoja proučavanja fonetike ruskoga jezika počeli smo i završili najistaknutijim ličnostima – Lomonosovom i Avanesovom.